

К. Сыроежкин

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСТАНСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-1-21-36

С конца 2014 г. сотрудничество между Казахстаном и Китаем развивается в рамках сопряжения Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и казахстанской национальной программы «Нурлы жол». Именно на реализацию данной программы нацелены все последние договоренности между двумя странами. Хотя существует большое число проблем, связанных с практической реализацией ЭПШП в Центральной Азии, сопряжением ЭПШП с ЕАЭС и национальными программами развития, Казахстан дальше других государств региона продвинулся в реализации этой программы.

Причины вполне объяснимы. Во-первых, ЭПШП и программа «Нурлы жол» совпадают почти идеально. Во всяком случае, в тех аспектах, которые касаются транзита через территорию Казахстана грузов из Китая, а также развития транспортной и логистической инфраструктуры на территории Казахстана.¹ Во-вторых, Китай предоставляет щедрые кредиты и готов финансировать не только проекты в рамках ЭПШП, но и проекты, которые намечено реализовать в рамках программы «Нурлы жол». В-третьих, в отличие от России и США, Китай пока не выдвигает никаких предварительных политических условий.

На сегодняшний день сформирована «дорожная карта» расширения сотрудничества между Казахстаном и Китаем практически во всех сферах экономики. Определены не только направления сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол», которые обрели реальные очертания в форме конкретных проектов, но главное – большая часть этих проектов уже имеет финансовое обеспечение. Дело за малым – постараться как можно более эффективно использовать выделенные финансовые ресурсы, полностью учитывая при этом государственные интересы Казахстана.

Что касается проблемных аспектов казахстанско-китайских отношений, то за последнее время они принципиально не изменились. Вместе с тем

¹ Китайские эксперты выделяют и другие аспекты: геополитическое положение Казахстана; его ресурсный и человеческий потенциал; политические, экономические и социально-гуманитарные условия; новое понимание Казахстаном и Китаем их места в мировой экономике; сопряжение ЭПШП и «Нурлы жол».

нельзя не признать того факта, что в связи с практической реализацией программы сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол» актуальность некоторых проблем приобрела несколько иное звучание. С одной стороны, как позитивный элемент можно рассматривать существенное уменьшение опасений в отношении Китая и рост позитивного имиджа КНР. Этому способствуют:

- увеличение объемов взаимной торговли (особенно по линии так называемого «шоп-туризма»; хотя на этом направлении в 2015–2016 гг. наблюдался некоторый спад, с 2017 г. отмечается тенденция увеличения объемов взаимной торговли, причем в том числе и за счет увеличения объемов экспорта в Китай казахстанской сельскохозяйственной продукции);
- рост числа обучающихся в Китае казахстанских граждан (причем в значительной своей части на гранты, предоставляемые китайским правительством);
- растущее взаимопонимание сторон за счет туристического обмена и существенно возросшего потока информации;
- работа совместных казахстанско-китайских малых предприятий (в том числе в агросфере) и т.д.

С другой стороны, очевидно наличие антикитайских настроений и опасений по поводу «китайской экспансии». Хотя нельзя не признать, что в последние годы активность казахстанской «оппозиции» на «антикитайском поле» значительно снизилась и основным направлением ее деятельности стало проведение антироссийских акций.

Главное, что тревожит скептиков и будоражит общественное мнение – темпы, которыми Китай осваивает Казахстан. Хотя нельзя не признать и того факта, что социальная база «антикитайского протеста» пока достаточно малочисленна, а сам «протест» во многом является следствием недоработок власти, в том числе в плане информационной и разъяснительной работы.

Антикитайские акции в Казахстане – явление спорадическое, ограниченное как по времени, так и по составу участников, вызванное преимущественно влиянием внешних факторов, либо отсутствием PR-подобного сопровождения действий со стороны государства или некорректностью государственной информационной политики. Яркий пример тому – «антикитайские митинги» 2009–2010 гг. и весной 2016 г. по поводу «передачи китайцам земель сельскохозяйственного назначения».

«Погоду» в казахстанско-китайских отношениях эти кампании не делают, хотя разбираться с их первопричинами необходимо. Несмотря на множество мифов и фобий, реальная проблематика казахстанско-китайских отношений в настоящее время определяется несколькими неразрешимыми по своей сути дилеммами.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Первая проблема связана с торговыми отношениями. Несмотря на динамичное развитие экономических связей между Казахстаном и Китаем, объемы двусторонней торговли по сравнению с 2012–2013 гг. сократились вдвое, причем преимущественно в сфере импорта китайских товаров (см. *Таблицу 1*). А это значит, что заявленное на высшем уровне увеличение объемов двусторонней торговли к 2020 г. (ранее планировалось к 2015 г.) до 40 млрд. долл. – задача, по-видимому, невыполнимая.

Скорее всего, это объясняется социально-экономическими проблемами Казахстана и Китая, а также и снижением покупательной способности казахстанцев.

Таблица 1

Торговые операции КНР с Казахстаном в 2012–2018 гг.

(млн. долл., % к общему объему внешней торговли РК)

Го- ды	Всего				Экспорт				Импорт			
	по дан- ным КНР		по дан- ным РК		по дан- ным КНР		по дан- ным РК		по дан- ным КНР		по дан- ным РК	
	все- го	%	все- го	%	все- го	%	все- го	%	все- го	%	все- го	%
2012	27.2 21,0	25, 0	21.6 72,7	19, 9	14.6 75,1	18, 3	14.2 27,8	17, 7	11.0 01,7	38, 3	7.44 4,9	25, 9
2013	28.5 94,4	26, 3	22.7 38,2	20, 9	16.0 48,5	20, 4	14.3 73,8	18, 2	12.5 45,9	36, 5	8.36 4,5	27, 8
2014	22.4 50,0	22, 5	17.1 56,6	17, 2	н.д.	н.д.	9.79 9,4	13, 4	н.д.	н.д.	7.35 7,2	27, 5
2015	14.2 67,0	23, 5	10.5 68,0	17, 4	5.84 0,0	14, 2	5.48 0,1	13, 3	8.42 7,0	43, 3	5.08 7,8	26, 1
2016	13.0 50,0	21, 0	7.89 6,0	12, 7	4.80 0,0	13, 1	4.22 8,0	11, 5	8.25 0,0	32, 6	3.66 8,0	14, 5
2017	18.0 00,0	23, 1	10.4 69,9	13, 4	6.36 0,0	13, 1	5.77 7,7	11, 9	11.6 40,0	39, 3	4.69 2,2	15, 9
2018 *	8.76 0,0	н.д. .	10.6 46,3	12, 6	3.76 0,0	н.д. .	5.66 6,5	10, 4	5.00 0,0	н.д. .	4.97 9,8	16, 8

Примечание: * - за январь–ноябрь по данным РК; за январь–июнь по данным КНР; Все расчеты сделаны автором.

Источники: Таблица составлена по данным статистики КНР и РК.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тем не менее Китай даже по казахстанским данным (см. *Таблицу 2*) остается крупнейшим торговым партнером Казахстана, занимая вторую позицию после РФ. Китайские источники дают несколько иную картину, и, как следствие, отсюда возникает одна из проблем в двусторонних отношениях, связанная с *доминированием на рынках Казахстана китайских товаров*.

Таблица 2

Основные торговые партнеры Казахстана в 2017 г.

(млн. долл., %)

Страна	Товaroоборот		Экспорт		Импорт	
	Всего	удель- ный вес страны в общем объеме	Всего	удель- ный вес страны в общем объеме	Всего	удель- ный вес страны в общем объеме
Всего в том числе:	78.102,9	100,0	48.503,3	100,0	29.599,6	100,0
Россия	16.372,0	21,0	4.639,0	9,6	11.733,0	39,6
Китай	10.493,0	13,4	5.798,0	12,0	4.695,0	15,9
Италия	9.613,3	12,3	8.667,3	17,9	946,0	3,2
Нидерланды	5.030,0	6,4	4.748,0	9,8	282,0	1,0
Франция	3.396,0	4,3	2.860,7	5,9	535,3	1,8
Швейцария	3.237,5	4,1	3.100,7	6,4	136,8	0,5
Турция	1.880,2	2,4	1.150,6	2,4	729,6	2,5
США	1.635,6	2,1	390,4	0,8	1.245,2	4,2

Источник: Данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [1].

В этой связи возникает несколько взаимосвязанных вопросов. Во-первых, это существенно снижает возможности Казахстана по реанимации собственного производства. Во-вторых, казахстанско-китайские торговые отношения имеют высокую коррупционную составляющую (данные между китайской и казахстанской статистикой по объемам двусторонней торговли расходятся на 4–6 млрд. долл. ежегодно). В-третьих, несмотря на некоторое снижение доли Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР во внешней торговле между Казахстаном и Китаем, она остается весьма вну-

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

шительной, особенно в части импорта из КНР. Такое положение вполне объяснимо, поскольку именно это направление внешнеторговой деятельности отдано на откуп частнику и «челнокам».

В ближайшей и среднесрочной перспективе едва ли возможно что-то изменить в этой ситуации, поскольку за исключением сырьевых отраслей Казахстан, в сравнении с КНР, абсолютно неконкурентоспособен. Следовательно – Казахстан обречен на китайский товарный бум, а потому можно говорить о том, что китайская товарная экспансия в Казахстане фактически уже состоялась.

Фактом является и то, что экономика Казахстана превратилась в сырьевой придаток экономики КНР, о чем свидетельствует практически не меняющаяся товарная номенклатура экспорта в Китай (см. *Таблицу 3*).

Таблица 3

Товарная номенклатура экспорта Казахстана в Китай
(2014–2017 гг.)

Наименование товара	2014		2015		2016		2017	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%	млн. долл.	%	Млн. долл.	%
Всего	9.799,4	100	5.480,1	100	4.228,0	100	5.777,7	100
В том числе								
нефть сырая и нефтепродукты сырые	4.879,5	49,79	2.048,1	37,37	876,5	20,73	853,4	14,77
медь рафинированная и сплавы медные необработанные	1.137,2	11,60	769,9	14,05	854,4	20,21	1.095,9	18,97
элементы химические радиоактивные и изотопы радиоактивные и их соединения	1.191,4	12,16	1.211,1	22,10	823,4	19,48	1.026,2	17,76
ферросплавы	361,2	3,69	420,9	7,68	580,4	13,73	867,6	15,02

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

руды и концентраты железные	380,4	3,88	29,8	0,54	335,6	7,93	915,7	15,85
цинк необработанный	359,4	3,67	330,0	6,02	180,1	4,26	325,5	5,63
газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие	125,8	1,28	86,7	1,58	126,2	2,98	127,9	2,21
свинец необработанный			42,2	0,77	21,2	0,50	47,0	0,81

Примечание: Расчеты выполнены автором.

Источники: Таблица составлена по данным статистики Республики Казахстан.

Вторая проблема – оседание граждан КНР на территории Казахстана. Точных данных не знает никто, но домыслов и мифов на этот счет масса. А главное, это негативно влияет на отношения Китая с Казахстаном, поскольку вполне обоснованно вызывает тревогу в общественном сознании.

Хотя официальные цифры китайской трудовой миграции не столь значительны, тем не менее, проблема существует. Более того, вполне очевидно, что с началом масштабной реализации проектов в рамках программы сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол» численность китайской трудовой миграции может многократно возрасти, причем Казахстан как член ВТО в ограничении потока китайской трудовой миграции будет уповать лишь на добрую волю Китая.

Очевидно, что этот вопрос нуждается в самом тщательном изучении, однако исследований по проблеме китайской трудовой миграции существуют лишь единицы, а по проблемам китайского присутствия в Казахстане (с проведением серьезного социологического анализа) их вообще нет.

Особо настораживает тот факт, что приводимые данные об официальной трудовой миграции из КНР противоречат доказанной тенденции, в рамках которой приток китайских мигрантов идет параллельно с наплывом товаров из Китая. Судя по значительному увеличению китайской товарной массы в Казахстане, должно было произойти и пропорциональное увеличение числа китайских мигрантов, однако, официальная статистика этого не фиксирует.

Единственное объяснение – вокруг зарубежных мигрантов вообще и китайской трудовой миграции, в частности, сложился огромный бизнес, и этот бизнес озабочен тем, чтобы информация о миграционных потоках и деятельности мигрантов в Республике Казахстан подавалась так, как выгодно ему.

Третья проблема – растущая зависимость экономики Казахстана от выделяемых Китаем кредитных ресурсов. Объем китайских инвестиций (кредиты и ПИИ) в экономику Казахстана на начало 2014 г. составлял 22,57 млрд долл. (в том числе ПИИ – 5,58 млрд долл.). При этом инвестиции в добычу сырой нефти и природного газа составляли 15,88 млрд долл., а в магистральные трубопроводы – 6,17 млрд долларов.

С учетом договоренностей, достигнутых в 2014–2017 гг. (см. *Таблицу 4*), общий объем китайских инвестиций в экономику Казахстана к концу 2017 г. достиг 86,5 млрд долларов. Кстати говоря, в своей статье, приуроченной к визиту в Казахстан в июне 2017 г., Си Цзиньпин указывал, что общий объем инвестиций Китая в экономику Казахстана превысил 42,8 млрд долл., а объем кредитования – более 50 млрд долларов [2].

Таблица 4

Объемы согласованных инвестиций между Китаем и Казахстаном
(2014–2017 гг.)

Мероприятие	Объем заявленных инвестиций*
Визит Н. Назарбаева в Китай в мае 2014 г.	10 млрд. долл.
Визит Ли Кэцзяна в Казахстан в декабре 2014 г.	14 млрд. долл.
Визит Н. Назарбаева в Китай в сентябре 2015 г.	23 млрд. долл.
Визита К. Масимова в Китай в декабре 2015 г.	10 млрд. долл.
Визит Си Цзиньпина в Казахстан в июне 2017 г.	7 млрд. долл.
Всего	64 млрд. долл.

* Заявленные суммы подписанных контрактов

Однако самое примечательное состоит в том, что данные казахстанской стороны в лице Нацбанка, ведущего учет иностранных инвестиций, существенно отличаются от оценки роли КНР в зарубежных инвестиционных потоках в Казахстан. В соответствии с ними, общий объем всех видов накопленных инвестиций из КНР на конец 2017 г. составил 15,8 млрд. долларов. Более того, в последние годы, в том числе в период реализации

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ЭПШП, этот показатель снижается, так же, как и объем годового валового притока ПИИ из Китая, что обуславливает снижение удельного веса КНР как в прямых зарубежных инвестициях в Казахстан, так и во всех инвестициях в целом (см. *Таблицу 5*). Если в год объявления инициативы ЭПШП доля КНР в валовом притоке ПИИ в Казахстан составляла 9,3%, то по итогам 2017 г. она сократилась до 4,8%. Также сократилась за последние годы и доля КНР в общем объеме накопленных иностранных инвестиций всех видов [см. 3, с. 73].

Таблица 5
Динамика и роль инвестиций из КНР в Казахстане (2012–2017 гг.)
(млн. долл., %)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Валовой приток ПИИ из КНР	2.414,6	2.246,0	1.861,2	838,4	961,9	998,7
Валовой приток ПИИ в Казахстан	28.884,9	24.098,3	23.725,5	15.169,5	20.949,3	20.765,4
Доля КНР, %	8,4	9,3	7,8	5,5	4,6	4,8
Накопленные инвестиции всех видов из КНР	18.285,83	20.101,25	18.659,31	15.103,14	15.152,57	15.841,31
Накопленные иностранные инвестиции в Казахстан всех видов, всего	177.719,6	209.098,4	213.869,1	198.452,6	218.217,3	227.392,2
Доля КНР, %	10,3	9,6	8,7	7,6	6,9	7,0

Источник [3, с. 73].

Четвертая проблема – высокая доля китайских компаний в добыче нефти и газа, растущая конкуренция между Россией и Китаем за энергоресурсы Центральной Азии, а главное – за определение ценовой политики.

Основная проблема связана с отсутствием внятного ответа на вопрос, каким образом поведет себя Китай, когда доля китайских компаний в нефтегазовом секторе Казахстана возрастет до критической отметки, а обострение социально-политической ситуации в стране с началом транзита власти потребует участия КНР в обеспечении безопасности трубопроводов. Истории

известны примеры, когда доминирование иностранных компаний в основном формирующем бюджет секторе экономики страны, а также в инфраструктуре превращалось в серьезную угрозу национальной безопасности.

Пятая проблема – нерешенность вопроса о трансграничных реках.

Сегодня эту проблему пытаются решать на уровне специально созданных комиссий, однако это – половинчатое решение вопроса, к тому же вызывающее (в силу закрытости информации о деятельности комиссий) определенное недопонимание со стороны общественности Казахстана. Более того, даже при условии подписания Соглашения о водodelении (это подписание планировалось еще в 2015 г., но документ пока согласован лишь частично), надеяться на то, что это снимет проблему, по меньшей мере наивно.

Во-первых, основополагающая норма правового режима трансграничных вод – принцип «разумного и справедливого использования», согласно которому каждое государство бассейна имеет право в пределах своей территории на разумную и справедливую долю в получении выгод от использования данных вод. Именно эта норма закреплена в ст. 4 межправительственного «Соглашения о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек» (сентябрь 2001 г.).

При этом позиция Китая более выигрышная. С одной стороны, он использует только ту воду трансграничных рек, которая формируется на его территории. С другой – в отличие от Казахстана, который не относится к вододефицитным регионам, Синьцзян является таковым.

Во-вторых, Китай не пойдет на серьезные уступки Казахстану и ни при каких условиях не свернет ведущееся в СУАР КНР ирригационное строительство. Логика экономического развития Синьцзяна требует иных подходов, и Казахстану вряд ли удастся убедить в обратном руководство КНР и, в особенности, – руководство автономного района.

В-третьих, почти со стопроцентной уверенностью можно предположить, что Китай не согласится обсуждать проблему трансграничных рек в трехстороннем (с участием РФ) или многостороннем (в рамках ШОС) форматах.

Шестая проблема – расширение сотрудничества между Казахстаном и Китаем в аграрном секторе и создание совместных предприятий в сельскохозяйственной сфере.

Лично я являюсь сторонником расширения такого сотрудничества, поскольку, во-первых, именно в этой сфере Казахстан обладает конкурентными возможностями, а, во-вторых, в этом сотрудничестве заинтересованы казахстанские аграрии. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на протесты национал-патриотов, уже сегодня в агросекторе Казахстана Китай реализует более 20 проектов. Кроме то-

го, согласованы проекты создания еще нескольких крупных совместных производств в аграрном секторе.

Главная проблема заключается в том, что на пути расширения сотрудничества в этой сфере существуют два серьезных препятствия. С одной стороны – укорененное в менталитете и массовом сознании понятие сакральности земли, с другой – прочность мифов о «китайской экспансии». Антикитайские выступления в мае 2016 г. показали, что мобилизовать некоторые группы населения на «антикитайский протест» и, тем самым, нанести серьезный ущерб доверию в казахстанско-китайских отношениях не так уж и сложно. Одна из причин – не только непонимание специфики «антикитайского протеста» в Казахстане, но и полное отсутствие системных исследований по Китаю.

На мой взгляд, настало время изменить подход к казахстанско-китайскому сотрудничеству, перейдя от количественных показателей к качественным. В Китае это сделали давно. Во всяком случае, Центральной Азией вообще и Казахстаном, в частности, там занимается не один десяток центров и институтов. В Казахстане, к сожалению, пока «весь пар уходит в свисток».

Наконец, одна из наиболее актуальных проблем сегодняшнего дня – поиск путей эффективного сопряжения в треугольнике «ЭПШП – ЕАЭС – Нурлы жол». К сожалению, продвижение этого процесса идет с большим трудом, хотя сферы сотрудничества и перспективы вполне очевидны. Интересам ЭПШП, ЕАЭС и Казахстана отвечает:

- строительство новых и модернизация старых автомобильных и железных дорог на российской территории, на территории Казахстана и территориях других государств, входящих в ЕАЭС;
- инвестиционно-банковское сотрудничество и увеличение объемов взаимной торговли в национальных валютах с возможной перспективой создания новой финансовой архитектуры на Евразийском пространстве;
- расширение сотрудничества в нефтегазовой сфере, в том числе за счет строительства совместных предприятий и расширения участия китайских компаний в разведке и добыче углеводородов на месторождениях РФ и Казахстана;
- сотрудничество в сельскохозяйственной сфере, включая создание совместных предприятий в АПК;
- крупные водные и экологические проекты, необходимость в которых ощущается как в Китае, так и в России и Центрально-Азиатском регионе;
- совместные проекты, связанные с обеспечением продовольственной безопасности.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Зоны совпадения интересов:

- Китай признает ЕАЭС и готов к сотрудничеству с этой структурой в целом, а не только с отдельными странами-участницами;
- государства – члены ЕАЭС заинтересованы в китайских инвестициях и гарантиях доступа к средствам Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и «Фонда Шелкового Пути» в целях модернизации инфраструктуры своих экономик;
- возможность «разделения труда» между Москвой и Пекином в Центральной Азии. Китай с его мощным финансовым потенциалом и значительным спросом на сырьевые ресурсы будет главным драйвером экономического развития в регионе, в то время как Москва остается здесь доминирующим гарантом безопасности;
- совместное противостояние усилению влияния Запада (прежде всего США) в Центральной Азии. Между Россией, Казахстаном и Китаем есть точки соприкосновения в оценке ими новой архитектуры глобальной и региональной безопасности. Объединив усилия, они могут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка, причем не только на региональном (АТР и Евразия), но и на глобальном уровне.

Зоны конфликта интересов:

- перспектива создания Китаем зоны свободной торговли (ЗСТ) на пространстве Центральной Азии;
- отсутствие, за редким исключением, конкретного наполнения проекта ЭППП;
- вынос Китаем излишних производственных мощностей на территорию государств – членов ЕАЭС;
- риск кредитной зависимости государств региона от Китая;
- риск увеличения миграционных потоков из Китая с началом реализации крупных проектов;
- конфликт интересов по поводу доступа китайских и российских компаний к углеводородным ресурсам Центральной Азии, особенно в контексте влияния на ценовую политику;
- перспектива окончательного вытеснения РФ с позиции ведущего торгового партнера государств ЦА.

С учетом сказанного выше, главный вопрос в казахстанско-китайских отношениях можно сформулировать следующим образом: чего Казахстан может ждать от Китая, и насколько велика опасность китайской экспансии в ближайшем будущем?

Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным. Многое будет зависеть от динамики развития Китая и его способности ре-

шать возникающие проблемы. Что таковые будут, сомнений нет, и переоценивать успехи Китая, не обращая внимания на комплекс имеющихся у него экономических, социальных, национальных, политических и идеологических проблем, было бы не вполне правомерно.

Еще меньше пользы (особенно для соседних с Китаем государств) будет в том случае, если ситуация в Китае резко обострится. Сильный Китай – это вызов, но слабый, распадающийся, потерявший управляемость Китай – это угроза, масштабы которой невозможно переоценить.

Что касается Центрально-Азиатского региона, то основным элементом политики Китая в отношении Центральной Азии на ближайшую перспективу будет оставаться экономическое проникновение в регион путем реализации – преимущественно за счет китайских кредитов, с обязательным участием китайских компаний, использованием китайских технологий и китайской рабочей силы – экономических и инфраструктурных проектов, а также предоставление льготных кредитов для развития двусторонней торговли.

Рассматривать это в качестве «экономической экспансии» Китая в Центральной Азии вряд ли правомерно. С одной стороны, роль Китая в экономике большинства стран региона (за исключением, пожалуй, Таджикистана) не столь значительна. Более того, в условиях экономической глобализации понятие «экономическая экспансия» во многом теряет смысл. С другой – Китай не ставит перед собой задачи экономического доминирования в государствах региона, главная его цель – продвижение в регион и через регион китайских товаров, и в этом смысле скорее правомернее говорить о торговой экспансии.

Во-вторых, необходимо признать, что противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни государства ЦА, ни РФ не в состоянии. Более того, в настоящее время Китай для Центральной Азии является более значимым партнером, нежели Центральная Азия для Китая, и вряд ли здесь в ближайшем будущем произойдут кардинальные изменения.

В-третьих, нельзя не учитывать того обстоятельства, что КНР является стратегическим партнером не только РФ, но и всех государств Центральной Азии. А это накладывает определенные обязательства, в том числе связанные и с уровнем экономического присутствия Китая в регионе.

В-четвертых, нельзя не обратить внимания на тот факт, что приоритеты экономической активности Китая в Центрально-Азиатском регионе сосредоточены лишь на нескольких направлениях, а в отношении каждого из государств региона выстроена особая стратегия. При этом вполне очевидно, что Китай никогда не рассматривал государства региона как потенциальную

часть своей экономики. Центральная Азия оставалась для него рынком сбыта китайских товаров, источником природных и иных ресурсов, а также транзитной территорией. Вряд ли этот подход изменит реализация проекта ЭПШП и даже вынос на территорию Казахстана и Кыргызстана китайских избыточных производственных мощностей.

В-пятых, не вызывает сомнений, что Китай будет стремиться делать преимущественно то, что отвечает его интересам, а эти интересы на определенном этапе могут вступить в противоречие не только с интересами и стратегией Запада или России, но и с национальными интересами государств региона.

Отсюда следует простой вывод: необходимо научиться использовать китайский интерес к Казахстану и китайское присутствие на пользу социально-экономическому развитию Казахстана.

Что нужно для реализации этой цели на практике?

Первое, учитывая непростую социально-экономическую и политическую ситуацию в КНР и серьезные изменения в его внешней политике, Казахстану, как ближайшему соседу и стратегическому партнеру Китая, необходимо «держать руку на пульсе». А это возможно лишь при комплексном и постоянном изучении тех процессов, которые происходят в современном Китае. Организация такого рода исследований возможна только при создании либо полноценного института, либо сильного аналитического центра с привлечением к его работе ведущих специалистов-китаеведов.

Второе, на сегодняшний день китайский фактор – постоянно действующий элемент региональной геополитики. Более того, как показывают события последних лет, роль КНР в региональном раскладе сил возрастает. Как поведет себя Китай в перспективе – это большой вопрос, однако, вполне очевидно, что в интересах России и государств Центральной Азии, чтобы китайское присутствие в регионе имело ограниченный характер, а главное, работало на пользу странам региона.

Страхи и фобии в этом деле – плохой помощник, как плохой помощник и пресловутая секретность, окутывающая казахстанско-китайские отношения, поскольку это не позволяет видеть реальные угрозы и вызовы, проистекающие из китайского присутствия, реально оценивать те направления, которые открыли бы перспективу его использования в интересах Казахстана.

То, что такие направления есть, не вызывает сомнений. Связаны они с расширением казахстанско-китайского сотрудничества в несырьевых отраслях экономики. Китай к такому сотрудничеству готов, и перспективы здесь огромны. Главная проблема заключается в том, сумеют ли казахстанские чиновники преодолеть у себя психологию и идеологию компрдорства

и начать по-настоящему отстаивать государственные интересы. Кстати говоря, именно с последним связаны возможности минимизации негативных последствий усиливающегося китайского присутствия.

Отсюда следует ряд выводов. Во-первых, совершенно очевидно, что при осуществлении любых форм сотрудничества необходимо последовательно отстаивать национальные интересы и интересы собственных граждан. Китайцы очень жестко и умело делают это в собственной стране. Необходимо научиться этому.

Во-вторых, следует не только проводить тщательную экспертизу всех заключаемых с Китаем контрактов, но и добиваться их транспарентности. Секретность, окутывающая казахстанско-китайские отношения (особенно на ведомственном уровне), недопустима.

В-третьих, несмотря на позитивную динамику развития и несопоставимость масштабов экономик, без поддержки РФ и стран Центральной Азии Китаю затруднительно будет сохранить устойчивость и поступательность развития. Объективно он заинтересован в сотрудничестве, что открывает дополнительные возможности как для России, так и для центральноазиатских государств.

В-четвертых, единственное, что реально может остановить продвижение Китая в регион, – активизация интеграционных процессов на пространстве Евразии. И в этом смысле налаживание конструктивной работы в рамках ЕАЭС и повышение экономической эффективности этой структуры будет существенным шагом вперед в ограничении возможностей Китая на постсоветском пространстве.

Третье, нужно понимать, что в случае с Китаем мы имеем дело не только с ведущей державой Азии, но и со страной, одной из внешнеполитических стратегий которой является постулат о «сидящей на холме мудрой обезьяне, наблюдающей борьбу двух тигров в долине». Главная задача – после того, как тигры потеряют силы, не попасть в лапы этой обезьяны. С Китаем можно разговаривать на равных, но лишь тогда, когда он сам признает значимость и силу партнера по диалогу. А поскольку по отдельности государства Центральной Азии, да и Россия, вряд ли смогут конкурировать с Китаем, возникает необходимость создания механизмов, позволяющих объединить усилия. Условия для этого есть, но необходима политическая воля и осознание реальности угроз.

Четвертое, растущий внутренний спрос в КНР на практически всю группу сырьевых товаров способствует превращению Центральной Азии в сырьевой придаток не только европейской, но и китайской экономики. К сожалению, здесь сложно что-либо предвидеть. Глобальная неконкурентоспособность центральноазиатских экономик в сравнении с географически

близкой китайской предельно затрудняет, если не полностью закрывает для них возможности диверсификации экономической структуры вне сырьевого сектора.

Однако и здесь есть выход – кооперация и интеграция в рамках региона, налаживание интеграционных процессов с Россией и другими странами СНГ.

Пятое, проблематика китайского (и вообще иностранного) присутствия в Казахстане. Все, что связано с миграцией из КНР, спецификой деятельности предприятий с участием китайского капитала, особенностями жизни и деятельности китайских трудовых мигрантов и т.д. должно не только регулярно публиковаться в открытой печати, но и тщательно изучаться. Слухи и домыслы в этих вопросах недопустимы, они не способствуют пониманию проблем, а лишь ухудшают климат казахстанско-китайских отношений

Воздействовать на сокращение миграционного потенциала Китая Казахстан, безусловно, не может. То, что этот потенциал будет расти, как и то, что Китай будет предпринимать попытки трудоустройства «излишней рабочей силы» за пределами Китая в рамках как легальной, так и незаконной трудовой миграции, не вызывает сомнений. Не в состоянии Казахстан изменить и мотивацию деятельности китайских мигрантов, у части из которых она запрограммирована на переселение в Россию, Европу или США.

Единственное, что в силах сделать Казахстан, – во-первых, организовать строгий учет китайских мигрантов, находящихся на территории страны и проезжающих через нее транзитом. Во-вторых, подготовить соответствующую законодательную базу, регулирующую деятельность трудовых мигрантов на территории Казахстана. Наконец, следует провести серьезные исследования, дающие понимание сути самого феномена «китайской миграции». При этом, если на первых двух направлениях что-то делается, то на последнем, к сожалению, пока царит почти полный «штиль».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике.* URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения 25.01.2019)

2. Си Цзиньпин. 2017. Вэй чжунха гуаньси шашан мэньсян ды чибан (Взлетают на крыльях мечты казахстанско-китайские отношения). – *Жэньминь жибао*, 8 июня.

З.Додонов В.Ю. 2018. Перспективные формы финансового сотрудничества в рамках Экономического пояса Шелкового пути. – *Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы*. Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета.